

Филологические науки

PHILOLOGY

УДК 811.511.151+398

DOI: 10.30914/2072-6783-2018-12-3-124-130

КОМПАРАТИВНЫЕ МОДЕЛИ И ОБРАЗЫ В ВОСТОЧНОМАРИЙСКИХ ВЕЛИЧАЛЬНЫХ ПЕСНЯХ

Л. А. Абукаева

Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

В величальных песнях восточных мари наиболее продуктивными средствами выразительности являются сравнения. Данная работа нацелена на анализ структурных и семантических особенностей сравнений, функционирующих в восточно-марийских величальных песнях. Структурными моделями сравнения в анализируемых текстах являются следующие: «существительное в именительном падеже + существительное в именительном падеже + послелог *гае / гане*»; «имя существительное в именительном падеже + имя существительное в именительном падеже»; лексема *кәм* 'меньше // меньший') + отрицательная частица *огыл* 'не'; «имя существительное в именительном падеже + послелог *деч / дечат / дечын* + имя прилагательное». В восточно-марийской величальной песне функционируют три семантические модели сравнений: «природный объект – человек», «артефакт – человек», «природный объект – артефакт». В величальных в честь родителей обнаруживаются следующие образные сравнения: *кугу тумын / олмапуын рудьжэ* 'ствол огромного дуба / яблони'; дети – *изи / ош куэн парчаже* 'веточки маленькой / белой березы', *олмапун саскәже* 'цветы яблони'. Образ старшей сестры – *ака* – создается с помощью таких сравнений, как *түнча ўмбаке лекше эр кече* 'взошедшее над миром утреннее солнце', *омарта гыч лекше мўки ава* 'вылетевшая из улья пчелиная матка'. Посвящая песни младшей сестре – *шўжар*, старшие по возрасту пестельницы используют такие сравнения: *вўд шавалын кушталме саскә гае* 'словно цветок, который возвращают, поливая'; *чевер кайык гане* 'словно прекрасная птица'. СобираТЕЛЬНЫЙ образ родни в величальной песне репрезентируется яркими образами, среди которых наиболее продуктивны *шўшпык иге* 'птены соловья', *тўрлб-тўрлб саскән асылже* – 'прелесть разных-разных цветов', *эр нўлтатше чолпан* 'звезда, взошедшая утром', *суксо дене пуйырышыш игыже гае* 'будто дитя ангела и пророка'. Образные сравнения носят символический характер, подчеркивают отношение к адресату песни – от почтительно-уважительного преклонения до восторга и восхищения. Сравнения из диалектного языка отражают народный взгляд на мир, демонстрируют характер проявления языкового творчества носителей диалектной речи.

Ключевые слова: величальная песня, сравнение, структура сравнения, компаративный образ.

COMPARATIVE MODELS AND IMAGES IN EASTERN MARI MAJESTIC SONGS

L. A. Abukaeva

Mari State University, Yoshkar-Ola

In the majestic songs of Eastern Mari, comparisons are the most productive means of expression. This work is aimed at the analysis of structural and semantic features of the comparisons functioning in the Eastern Mari majestic songs. Structural models of comparison in the analyzed texts are: "a noun in the nominative case + noun in the nominative case + postposition *gai / gane*"; "a noun in the nominative case + noun in the nominative case"; lexem *kam* 'less than/ smaller') + negative particle *ogyl* 'not!'; "a noun in the nominative case + postposition *dech / dechat / dechyn* + adjective". There are 3 semantic models of comparisons in Eastern Mari majestic song:

“natural object – person”, “artifact – person”, “natural object – artifact”. In majestic songs in honor of the parents the following figurative comparisons are found: *kugu tumyn / olmapuyn rudyzho* ‘the trunk of a huge oak / apple tree’; children – *izi / osh kuen parchazhe* ‘twigs of small / white birch’, *almapun saskazhe* ‘apple blossoms’. The image of the older sister – *aka* – is created by such comparisons, as *tuncha umbak lekshe er keche* ‘the morning sun rising over the world’, *omarta gych lekshe myuksh ava* ‘the Queen bee flying out of the beehive’. Dedicating song to their younger sister – *shuzhar*, older singers use such comparisons as: *vud shavalyn kushtal-me saska gae* ‘like a flower cultivated by watering’; *chever kaiyk gane* ‘like a beautiful bird’. The collective image of the family in the majestic songs is represented by bright images, among which the most productive are: *shushpyk ige* ‘chicks of the nightingale’, *turlo-turlo saskan asylzhe* ‘the beauty of different-different flowers’, *er noltaltshe cholpan* ‘the star that rose in the morning’, *sukso dene puiyryshyn igyzhe gae* ‘as if it were a child of an angel and a prophet’. Figurative comparisons are symbolic and emphasize the attitude to the addressee of the song – from respectful worship to delight and admiration. Comparisons from the dialect language reflect the ethnic view of the world, demonstrate the nature of the appearance of the language creativity of dialect speakers.

Keywords: majestic song, comparison, comparison structure, comparative image.

Марийские величальные песни до настоящего времени остаются неотъемлемой частью семейных праздников. Вековые традиции гостеприимства предписывают петь хвалебные песни во время семейных и календарных праздников, среди которых, в первую очередь, следует выделить свадьбу, первое посещение молодыми родителей невесты, праздник по поводу отела коровы, мясоед.

Величальные песни мари публиковались в различных изданиях и сборниках конца XIX – начала XX века. В отдельную группу величальные песни были выделены в сборнике А. Аптреева, изданном в 1908 году [4]. Важный вклад в сбор, систематизацию и издание марийских песен, в том числе величальных, внес В. М. Васильев. В 1919 г. в Казани им был выпущен сборник «Марий муро», второй его сборник вышел в 1923 г. в Москве, третий – в 1937 г. в Йошкар-Оле [7; 8; 9].

В особую группу величальные песни выделялись и исследователями марийского фольклора [3; 6; 10], изучавшими поэтический строй народных песен. Определенный вклад в научную разработку данной темы внесен автором статьи [1; 11].

Свадебные величальные песни до настоящего времени остаются наиболее значимыми жанрами устного поэтического творчества мари. Прежде всего, они сопровождают обряд, воспевая молодых, родню жениха и невесты, музыкантов: *тўмырзё* ‘барabanщика’, *шўвырзё* ‘волынщика’, *гармончо / музыканче* ‘гармониста’, практически всех гостей. Песня в тексте сравнивается с ценным подарком – *атлас ялук* ‘атласный платок’, *ший шергаиш* ‘серебряное кольцо’, реже – *шортньё шергаиш* ‘золотое кольцо’. Звучит песня, как

шорох осиновых листьев – *шонке лышташ гae шыр шокта*.

Жанровая природа величальной песни определяет продуктивность сравнений. Поэтические сравнения, с одной стороны, позволяют выявить и по-новому осмыслить отношения между привычными объектами, скрытые для обыденного познания, с другой стороны, являются отражением народного мировидения. Данная работа нацелена на анализ структурных и семантических особенностей сравнений, функционирующих в величальных песнях восточных мари.

Сравнение включает в себя три составные части: субъект сравнения (то, что сравнивается), объект сравнения (то, с чем сравнивается) и признак сравнения (что-то общее у сравниваемых реалий). В марийском литературном языке значение сравнения выражается формами сравнительного падежа; с помощью структур с послелогом *гай / гae / гane* ‘как, словно’, *семын (-ак)* ‘как, словно, точно, подобно’, союзом *пуйто* ‘будто’, частицами *чылт (-ак)*, *ялт (-ак)* ‘совершенно, прямо, совсем, как раз’; конструкциями «подлежащее + сказуемое», синтаксическими фразеологизмами, построенными по модели «имя существительное + *деч (-ат)* + имя существительное» [2], лексемами *ушеиштараш* ‘напоминать’, *сыннан* ‘похожий’.

Наиболее продуктивные сравнения в восточно-марийских величальных песнях структурно оформляются с помощью послелога *гае / гane* или с помощью конструкции «имя существительное в именительном падеже + имя существительное в именительном падеже». Обе модели представлены в следующей величальной песне:

*Йылдыр-лай-йылдыр вўдиш йога,
Вўд мучашеш шордо шогалын.
Капзетат-кылет, ай, шордо гай,
Тўсетше-лай тыйын – эр чолпан.*

‘Реченька говорливая течет,
В конце реченьки встал лось.
Стать твоя словно у лося,
Лицо-то твое – утренняя звезда’¹.

Благодаря конвергированному употреблению различных способов сравнения выразительность песенного текста усиливается.

В модели «существительное в именительном падеже + существительное в именительном падеже + послелог *гае* / *гане*» второй субстантив может быть значительно распространен:

*Кычкен лекме шем алашат
Кишкын он гыч лекше гае.
Шинчын лўитымб шем ушкална
Вўд гыч лекше вўд он гае*².

‘Запряженный твой конь вороной
Будто вышедший из груди змеи.
Корова наша, которую мы доим,
Словно вышедшая из волны’.

Вся величальная песня может строиться на основе модели, в которой оба главных члена выражены конструкциями с именем существительным в номинативе:

*Ачамын умалымыже – кўкб мамык,
Авамын умалымыже – йўкб мамык.
Авамын родыжо – Шочынава,
Ачамын родыжо – мўкишава*³.

‘Подушка моего отца – пух кукушки,
Подушка моей матери – лебяжий пух.
Родня моей матери – Богиня рождения,
Родня моего отца – пчелка-маточка’.

Структурно сравнение в восточномарийской величальной песне оформляется также с помощью лексемы *кәм* ‘меньше, хуже’ (ср. татарское наречие ким ‘1. неполно, недостаточно // неполный, недостаточный 2. меньше // меньший’) и отрицательной частицы *огыл* ‘не’:

*Пўртончыл-лай воктенет ший менгеет,
Порсын почан кўкбўжб шинчын мура.
Миньынат-лай шочшеем йодыда гын,
Порсын почан кўкбб деч кәм огыл*⁴.

¹ Мишкан мари уна муро. Гостевые песни мишкинских мари / сост и вступ. статья Л. А. Абукаевой. Йошкар-Ола, 2008. С. 38.

² Васильев В. М. Марий калык муро. Марийские народные песни. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. С. 20.

³ Там же. С. 85.

⁴ Там же. С. 86.

‘У сеней твоих столб серебряный,
На нем кукушка с шелковым хвостом кукует.
Если спросите о моих родных,
Они не хуже кукушки с шелковым хвостом’.

*Кўкибб гына пўртынат тўрзаитыже
Йыргешке-лай кўзгыжб шогалеш.
Ты гына-лай шинчыше шкемын шочием
Йыргешке-лай кўзбб деч кәм огыл*⁵.

‘На окне высокого дома
Стоит круглое зеркало.
Сидящая здесь моя родня
Не хуже круглого зеркала’.

Песни, в которых не обозначен признак сравнения, с одной стороны, дают достаточно широкий простор для фантазии слушателя, но, с другой стороны, круг фоновых знаний этнической общности рождает четкий ассоциативный ряд: *воштончыш* – *яндарлык* ‘зеркало – чистота’.

Значение сравнения передается также посредством конструкции «имя существительное в именительном падеже + послелог *деч* / *дечат* / *дечын* + имя прилагательное»:

*Шем чодыра шойылно мўки омарта,
Шем мўки ышталме мўй тутло.
Мўй дечат тутло, шикар деч тамле
Шкемын шочшемын ик мушио.*

‘За темным лесом пчелиное дупло;
Мед диких пчел очень сладок.
Слаще меда, вкуснее сахара
Одно лишь слово моей родни’⁶.

*Ломбо гына лывырге, ломбо лывырге
Ломбо дечын лу парнят лывырге.
Лу парняет семым шокталеш гын,
Кок шинчаат моторым сайлалеш.*

‘Черемуха гибкая, черемуха гибкая.
Черемухи гибче твои десять пальцев.
Десять пальцев мелодию наигрывают,
Глаза твои выбирают красавицу’⁷.

Представлено в марийских величальных песнях и отрицательное сравнение:

⁵ Эрвел марий муро-влак. Песни восточных мари: Свод марийского фольклора / сост. Г. Гадиятов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. С. 86.

⁶ Мишкан мари уна муро. Гостевые песни мишкинских мари / сост и вступ. статья Л. А. Абукаевой. Йошкар-Ола, 2008. С. 43.

⁷ Эрвел марий муро-влак. Песни восточных мари: Свод марийского фольклора / сост. Г. Гадиятов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. С. 81.

*Кўкшын-кўкшын курыкет ўмбалам
Йолан клатым шындальым.
Тудо клатын воктенже
Ваштар каштам пыштальым.
Ваштар каштан вуешыже
Чинче шулдыран кўкё шинчале.
Тудо чинче шулдыран кўкё огыл улмаи,
Ача-авамын икшывыже улмаи¹ /*

‘На высокой-высокой горе
Поставил я клеть на ножках.
Рядом с этой клетью
Положил кленовую жердь.
На эту кленовую жердь
Села кукушка – крылья у нее блестящие.
То была не кукушка с крыльями-блестками,
А дитя моего отца и матери’.

В восточно-марийской величальной песне функционируют следующие сравнительные конструкции с семантическими моделями «природный объект – человек», «артефакт – человек», «природный объект – артефакт»:

*Шем гына-лай кожлаште шем энгыжше
Чўчалташат тўчыш мўйурва гай.
Ты гына-лай шинчалше шочшем-влак
Шинште мучаи карасын сар мўй гай.²*

‘В темном ельнике ежевика
Словно готовая капнуть медовуха.
Здесь сидящие родные мои
Словно желтые капли сотового меда’.

Сравнение позволяет подчеркнуть в одном из сравниваемых предметов или явлений ту или другую сторону. Так, величальная в честь подружки невесты *ончылно шогышо* ‘букв. впереди стоящая’ выдвигает на первый план ее красоту, обращая особое внимание на цвет глаз и лица:

*Шеме гына кожлаште чытыр-чатыр,
Чытыр-чатыр коклаште шем шоптыр.
Шеме-шеме шоптыр гай, ай, шем шинчат,
Йошкар пўчыз гае чуриет.*

‘В темном ельничке кустарники,
Среди кустарников черная смородина.
Как черная смородина твои черные глазки,
Как брусника красная твое личико’³.

¹ Эрвел марий муро-влак. Песни восточных мари: Свод марийского фольклора / сост. Г. Гадиатов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. С. 80.

² Там же. С. 22.

³ Мишкан мари уна муро. Гостевые песни мишкинских мари / сост и вступ. статья Л. А. Абукаевой. Йошкар-Ола, 2008. С. 31.

Этой песней величают девушку на выданье в доме хозяев, принимающих гостей, однако такая честь выпадает девушкам не на каждом празднике, а только на гуляниях после свадебного пира.

Умещаая в четырехстрочной песне сразу две и более компаративные модели, исполнительницы величальных песен прибегают и к гиперболизированным сравнениям. Так, песня в честь гармониста также акцентирует внимание на его внешности, но при этом внешние черты служат лишь своеобразным и достаточно точным отражением его талантов и свойств характера:

*Парняэтат вичкыж, омыж гае,
Модылдалеш музикан йылмыште.
Шинчаэтат пўсё, волгенче гае,
Модылдалеш мотор-лай ўмбалам.*

‘Твои тонкие, словно камыш, пальцы
Играют на ладах у гармошки.
Твои острые, словно молния, глаза
Играют на красавицах’⁴.

В основе сравнительных конструкций лежат компаративные образы, отражающие мир природы и человека. Субъектом сравнения при этом выступает человек, его внешность и характер. Объектом сравнения служат конкретный человек, свойства его характера, мастерство, красота, детали одежды: платок – словно снег, выпавший сегодня, шелковое платье – белее выпавшего сегодня снега.

Тепло материнского сердца уподобляется солнечному теплу, теплу, которое дарит своим птенцам птица, *ава шўмыштё кийыше чон гане* ‘букв. ‘мать словно лежащая в сердце душа’. Родители – *кугу тумын рўдыжё* ‘ствол огромного дуба’ *олмапуын рўдыжё* ‘ствол яблони’. Дети – *изи / ош куэн парчаже* ‘веточки маленькой / белой березы’, *олмапун саккаже* ‘цветы яблони’. Дети для родителей *канде кўгерчен гане* ‘как сизые голуби’, *ош йўкчё гане* ‘как белые лебеди’.

Образ старшей сестры – *ака* – создается с помощью следующих образных сравнений: *тўрлө-тўрлө пушенгын саккаже* ‘разных-разных деревьев цветы’, *лойген шогышо олмапуын рўдыжё* ‘ствол раскачивающейся яблони’, *тўнча ўмбака лекше-лай эр кече* ‘взошедшее над миром утреннее солнце’, *омарта гыч лекше мўки ава*

⁴ Там же. С. 34.

‘вылетевшая из улья пчелиная матка’. Эти же образы могут быть использованы в песнях в честь матери.

Посвящая песни младшей сестре – *шўжар*, и младшему брату – *шольо*, старшие по возрасту песельницы используют следующие сравнения: *шўжар* – *кокла пасуэи пеледше сар сәскә* ‘желтый цветок, расцветший между полями’; *вўд шавалын кушталме сәскә гае* ‘словно цветок, который возвращают, поливая’; *чевер кайык гане* ‘словно прекрасная птица’; *шольо* – *кугыжан кыдалаш эргыже* ‘царя средний сын’.

Собирательный образ родни в величальной песне создается яркими образами, среди которых наиболее продуктивны следующие: *родо* – *шўшпык иге* ‘родня – птенцы соловья’, *мөр сәскә* ‘цветы клубники’, *тўрлө-тўрлө сәскән асылже* – ‘прелесть разных-разных цветов’, *чевер мөр* ‘красивые ягодки’, *эр нөлталше чолпан* ‘звезда, взошедшая утром’, *суксо дене пуйырышын игыже гае* ‘будто дитя ангела и пророка’ *шўшкалтенат шинчыше сар шўшпык гай* ‘как соловей, что сидит и посвистывает’; сердце у родни – *ший арка* ‘серебряная горка’, лицо – *күзгө дечын волгыдо* ‘светлее зеркала’. У родных голос лебединый, стать как у лося.

Особо выделены в величальных песнях восточных мари и гости: *чон гане* ‘как душа’, *пеледыш гай* ‘как цветок’, *юмын чинчыже* ‘божья блестящая’; дорога, по которой приезжают гости, – *уй корно* ‘масляная дорога’.

Неожиданные и непонятные для современного читателя сравнения требуют своей расшифровки:

*Вуешет-лай пидме порсын ялукет
Йўлалеш шол көгерчен пун гане.
Чуриет чевер, капет-кылет спай,,
Порсын дене пуньмо лупи гане.*¹

‘На голове твоей шелковый платок
Сверкает, как перо голубя.
Лицо у тебя красивое, стать стройная,
Как сплетенный из шелка хлыст’.

Так, украшенный шелком и позументом хлыст использует на свадьбе дружка. Если ранее хлыст с привязанным к нему колокольчиком был призван отгонять злых духов, служил своеобразным средством, которым дружка управлял свадьбой

и при случае мог использовать его и по прямому назначению, наказав провинившихся, то сейчас это главным образом эстетический элемент в образе свадебного персонажа. Ср. также:

*Ўмбаланет чиялме шем пеишметет
Шолап гычын чўчышө вўд гане.
Ты гына-лай шинчалше шке шочием
Ока дене пуналме лупи гане*².

‘Черный бешмет, что ты надела,
Как вода, что капает с крыши.
Здесь сидящий мой родственник
Как хлыст, сплетенный из позумента’.

В случае, когда основание сравнения не указывается, сокращенное сравнение позволяет воспринимавшему песню слушателю находить практически неисчерпаемый перечень общих признаков.

По объему песня состоит из четырех строк. Песня, которая максимально использует выразительные возможности сравнения, в каждой строчке актуализирует определенный субъект и объект сравнения, тем самым усиливая эффект производимого впечатления:

*Кычкалалме имнет – тул йош гае,
Пышталалме сапет – ал тасма.
Чиялалме вургемет – юмын йорга,
Шке улат кавасе мўкиш ава.*

‘Твой запряженный конь словно огненный
горностаи,
Вожжи – алая лента.
Одежда твоя – от бога,
А сама ты пчелка [пчелиная матка] на небе’³.

Характеризуя внешний облик адресата, песельницы обращаются к образам животных и растений. Образы растительного мира и зооморфные образы служат неисчерпаемым источником вдохновения.

Яркие сравнения помогают внушить слушателям песен особое отношение к адресату песни, при этом на первом плане оказывается не только сходство субъекта и объекта сравнения, но и сходство авторского отношения к сравниваемым предметам.

*Вараксимже манмы-лай – йыжын почан.
Сар гына-лай шўшпыкшө – сар онган.
Шкеже улына вараксим гай.
Унам-влак улыт шўшпык гай.*

¹ Эрвел мари муро-влак. Песни восточных мари: Свод мари-марийского фольклора / сост. Г. Гадиатов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. С. 96.

² Там же. С. 97.

³ Мишкан мари уна муро. Гостевые песни мишкинских мари / сост и вступ. статья Л. А. Абукаевой. Йошкар-Ола, 2008. С. 38.

‘У ласточки-то хвост разветвленный,
Соловей-то желтый – желтогрудый.
А и сами-то мы словно ласточки.
Гости мои словно соловушки’¹.

В этой песне используется один из излюбленных и продуктивных образов – *вараксим* ‘ласточка’, без которого практически не обходятся тексты молитв и благопожеланий. Подобные сравнения носят символический характер, подчеркивают отношение к адресату песни – от почтительно-уважительного преклонения до восторга и восхищения.

Сравнения из диалектного языка отражают народный взгляд на мир, языковую картину мира сельского жителя, демонстрируют характер проявления языкового творчества носителей диалектной речи. Такие сравнения имеют этнокультурную маркированность.

Литература

1. Абукаева Л. А. Репрезентация образа адресата в величальных песнях восточных мари // *Современные проблемы науки и образования*. 2012. № 3. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6015> (дата обращения: 12.03.2018.).
2. Абукаева Л. А. Синтаксические фразеологизмы в мариjsком языке / Федер. агентство по образованию ГОУВПО «Мариjsк. гос. ун-т». Йошкар-Ола, 2005. 192 с.
3. Айста муралтена: Мариjs калык муро ден такмак-влaк. Мариjsские народные песни и частушки / сост. С. С. Сабитов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 191 с.
4. Аптриев А. Сборник чремисских песен, записанных в разных селениях Бирского и Сарапульского уездов. Казань, 1908. 30 с.
5. Аксорин В. А. Краткие итоги фольклорной экспедиции 1959 года к мариjsцам Кировской области // *Труды МарНИИ*. Йошкар-Ола, 1961. Вып. 15. Вопросы языка литературы и фольклора. С 171–197.
6. Бердников В. М., Тудоровская Е. А. Поэтика мариjsских народных песен. Йошкар-Ола, 1965. 107 с.
7. Васильев В. М. Мари муро. Песни народа мари, собранные В. М. Васильевым. Казань, 1919. 97 с.
8. Васильев В. М. Мари муро. Турло мариjs коклаштэ мутшо-сэмжэ дэнэ шкэат, моло йэн полшымо дэнат 1920 дэнэ 1923 ий коклаштэ погэн. М., 1923. 89 с.
9. Васильев В. М. Мари муро. Калык мурым В. М. Васильев погэн, возэн. I ужаш. Йошкар-Ола, 1937. 148 с.
10. Иванов И. С. К вопросу о классификации старинных народных мариjsских песен // *Проблемы изучения финно-угорского фольклора*. Саранск, 1972. С. 65–169.

11. Abukaeva L., Krasnova N. M. Symbols in Mari Wedding Songs // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Rome, Italy 2015. Vol. 6, No. 3, June 2015 28–29. Supplement 7. P. 17–20.

12. Wichmann Y. *Volksdichtung und Volksprache der Tscheremissen*. Helsinki, 1931.

References

1. Abukaeva L. A. Repräsentacija obraza adresata v veličal'nyh pesnjah vostočnyh mari [Representation of the image of the addressee in the majestic songs of the Eastern Mari]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* = Modern problems of science and education, 2012, no. 3. Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6015> (accessed 12.03.2018). (In Russ.).
2. Abukaeva L. A. Sintaksicheskie frazeologizmy v marijskom jazyke [Syntactic phraseological units in Mari language]. *Joshkar-Ola*, 2005, 192 p. (In Russ.).
3. Ajsta muraltena: Marijs kalyk muro den takmak-vlak [Let's sing: Mari folk songs] *Marijskie narodnye pesni i chastushki* = Mari folk songs and ditties, orig. S. S. Sabitov. *Joshkar-Ola: Mar. kn. izd-vo*, 1991, 191 p. (In Russ.).
4. Aptriev A. Sbornik chremissskikh pesen, zapisannykh v raznykh selenijakh Birsckogo i Sarapul'skogo uezdov [A collection of Chremisian songs recorded in different villages of the Birk and Sarapul regions]. *Kazan'*, 1908, 30 p. (In Russ.).
5. Aktsorin V. A. Kratkije itogi fol'klornoj ekspedicii 1959 goda k marijsam Kirovskoj oblasti [Summary of the folklore expedition of 1959 to the Mari of the Kirov region]. *Trudy MarNI* = Works of the Mari Research Institute. *Joshkar-Ola*, 1961. Release 15. Issues on language, literature and folklore, pp. 171–197. (In Russ.).
6. Berdnikov V. M., Tudorovskaja E. A. Pojetika marijskikh narodnykh pesen [Poetics of the Mari folk songs]. *Joshkar-Ola*, 1965, 107 p. (In Russ.).
7. Vasil'ev V. M. Mari muro. Pesni naroda mari, sobrannye V. M. Vasil'evym [Songs of the Mari people collected by V. M. Vasiliev]. *Kazan'*, 1919, 97 p. (In Russ.).
8. Vasil'ev V. M. Mari muro. Turlo mari koklashte mutsho-senzhe dene shkjeat, molo jen polshymo denat 1920 dene 1923 ij koklashte pogen [Mari songs with words and notes, compiled by V. M. Vasiliev from 1920 to 1923]. *Moscow*, 1923, 89 p. (In Mari).
9. Vasil'ev V. M. Mari muro. Kalyk murym V. M. Vasil'ev pogen, vozen. I uzhash [Mari songs with words and notes, compiled by V. M. Vasiliev. Part 1] *Joshkar-Ola*, 1937, 148 p. (In Mari).
10. Ivanov I. S. K voprosu o klassifikatsii starinnykh narodnykh marijskikh pesen [On the classification of old folk mari songs]. *Problemy izuchenija finno-ugorskogo fol'klora* = Problems of studying Finno-Ugric folklore. *Saransk*, 1972, pp. 65–169. (In Russ.).
11. Abukaeva L., Krasnova N. M. Symbols in Mari Wedding Songs. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Rome, Italy 2015. Vol. 6, no. 3, June 2015 28–29. Supplement 7, pp. 17–20.
12. Wichmann Y. *Volksdichtung und Volksprache der Tscheremissen*. Helsinki, 1931.

Статья поступила в редакцию 17.02.2018 г.

Submitted 17.02.2018.

¹ Мишкан мари уна муро. Гостевые песни мишкинских мари / сост и вступ. статья Л. А. Абукаевой. Йошкар-Ола, 2008. С. 9.

Для цитирования: Абукаева Л. А. Компаративные модели и образы в восточномарийских величальных песнях // Вестник Марийского государственного университета. 2018. Т. 12. № 3. С. 124–130. DOI: 10.30914/2072-6783-2018-12-3-124-130

Citation for an article: Abukaeva L. A. Comparative models and images in Eastern Mari majestic songs . *Vestnik of the Mari State University*. 2018, vol. 12, no. 2, pp. 124–130. DOI: 10.30914/2072-6783-2018-12-3-124-130

Абукаева Любовь Алексеевна, доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола), ORCID ID 0000-0002-9622-6770, sylne@mail.ru

Lubov A. Abukaeva, Dr. Si (Philology), professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, ORCID ID 0000-0002-9622-6770, sylne@mail.ru